

М. С. Алексеева

СЕЛЬСКО-ГОРОДСКАЯ МИГРАЦИЯ И ПРОБЛЕМА САМОВОЛЬНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В ПОСТСОВЕТСКОЙ БУРЯТИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД*

В данной статье рассматривается положение сельско-городской миграции в системе процессов гомеостаза городского организма; стратегии борьбы за городские ресурсы и идентичность. Конфликт и консенсус понимаются как основные элементы в процессах завоевания и освоения города, границы эффективности административных рычагов решения сопутствующих им проблем рассмотрены через теоретическую схему социальной экологии.

***Ключевые слова:** миграция, социальная экология, социальная мобильность, адаптация, конкуренция, конфликт, консенсус, городская идентичность, урбанизация.*

***Key words:** migration, social ecology, social mobility, adaptation, competition, conflict, consensus, city's identity, urbanization.*

*Свободные общества... растут; они не планируются.
(Роберт Парк)*

Феномен самостроения, сочетая в себе элементы стихийности и организованности, может рассматриваться и как объект планирования, применения всего спектра административных рычагов решения проблемы, и как сложное органичное явление, способное к самоорганизации. Хотя некоторые подобные поселения возникли в крупных российских городах уже в 1930-е гг. вместе с индустриализацией, и особенно в эпоху послевоенных застроек, в 1950–60-е гг., бурный расцвет явление получило

* Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 08-01-00476а «Городские деревни»: антропология скваттерских поселений Улан-Удэ (2009).

с конца 1980-х — начала 1990-х гг. Являясь детищем рыночной ситуации, «нахаловки» продемонстрировали устойчивое сопротивление прямолинейным управленческим схемам. Многолетнее противостояние населения «нахаловок» и администрации г. Улан-Удэ выявило определенную непоследовательность в развитии событий. С одной стороны, периодически происходили «показательные» сносы самовольно возведенных жилых объектов, вызывающие пикеты, голодовки, перекрытие трасс и т. п. С другой, несмотря на декларируемую жесткую политику, — устойчивое воспроизводство «нахаловок», борьба мигрантов за городскую идентичность, за их включение в городскую жизнь — все эти процессы актуализировали изучение сельской миграции и вызванных ею социальных эффектов. В данной работе предметом анализа выступают стратегии борьбы жителей «нахаловок» за город (ресурсы и идентичность), эффективность которой непосредственно влияет на границы административных мер, а его методологической рамкой является социальная экология.

Классическая модель социальной экологии, разработанная Р. Парком и основанная во многом на критическом осмыслении натурализма Дж. Дьюи, теорий Г. Тарда и В. Виндельбанда, послужила теоретическим базисом исследовательских программ по изучению локальных сообществ Э. Берджесса, Л. Вирта, Р. Маккензи, У.Ф. Огборна, А. Хоули и др. Парк подчеркивал «естественность» происхождения и развития городского сообщества, описывая его функционирование и эволюцию в соответствующих категориях: борьба за выживание, адаптация, ареал обитания, ниши, популяции, миграция и др. Как в пределах природного ареала, так и в обществе распределение популяции принимает конфигурации, определяемые разноречивыми стратегиями взаимопомощи и конкуренции (Парк 2006: 11). Миграция — естественное явление для всякого сообщества, находящегося в развитии; «являясь коллективным поведением обладающих биотической природой индивидов, она образует экологическую структуру на макроуровне» (Парк Р.; цит. по: Баньковская 1994: 16).

Как результат миграционных процессов стихийно возникшие скваттерские поселения, анклавы, называемые в России «нахаловками», на наш взгляд, могут быть рассмотрены в рамках экологической парадигмы, поскольку представляют собой феномен, развивающийся в соответствии со своей собственной логикой и законами, демонстрирующий способность к самоорганизации. В качестве эмпирического материала нами использовались нарративы прессы Республики Бурятия и интернет-пользователей, посетителей различных форумов; произведен вторичный анализ данных, полученных в ходе полевых исследований

«нахаловок» г. Улан-Удэ 2004–2008 гг. (в первую очередь, Н.И. Карбаинова).

Социальный контекст

Сельско-городская миграция в регионах постсоветской России в условиях системного кризиса, разразившегося на рубеже 1990-х гг., — закономерное явление, которое отразило стремление к выживанию и адаптации к сложившейся ситуации. В первой половине 1990-х гг. село переживало самую тяжелую фазу социально-экономического кризиса: массовое банкротство колхозов, безработица, инфляция, продуктовый дефицит, социально-психологическая фрустрация и всплеск девиаций. Но уже с середины 1990-х возникли предпосылки (появились экономические ресурсы), минимально необходимые для переезда людей в город. На рубеже XX–XXI вв. самовольное возведение жилья в Улан-Удэ так активизировалось (только официально зарегистрированных самовольно возведенных жилых объектов Улан-Удэ на 15.10.2009 г. более 7000), что стало нарушать планы городской администрации, вступая в противоречие с Генпланом города. На самострой наконец обратили внимание власти, но когда это произошло, процессы уже были в той степени запущенности, когда разрешение проблем требует времени и форсированного капитального финансирования. Создавшаяся ситуация не имела бы эффекта обвала, если бы власти вовремя оценили закономерность и необратимость сельско-городской миграции. Посетители Интернет-форумов справедливо отмечают: «...если государство не способно поддерживать сельское хозяйство, оно должно ожидать массовый исход сельского населения, движимого **инстинктом самосохранения**» (сайт Единого городского Интернет-форума: <http://forum.baikal.net>; окт. 2006).

Сельская миграция в условиях кризиса стала индикатором социальной мобильности и конкурентоспособности жителей постсоветского села. Относительно переселенцев из сел нередки оценки, акцентирующие их предприимчивость: «...именно в районах нахаловки обитают по большей части те, кто питает надежду на лучшую жизнь ...обитатели нахаловки, видимо, как раз тот слой бурятского села, который движим желанием добиваться лучшей жизни» (форум «Сайта бурятского народа», www.buryatia.org; 03–12 дек.2006). Или: «...люди, приехавшие сюда, не пьяницы, не опустившиеся люди. Это, как правило, экономически деятельные люди, желающие серьезно улучшить свое положение» [выделено нами — М. А.] (форум «Сайта бурятского народа», www.buryatia.org; 03–12 дек.2006). В целом посетители форумов о жителях «нахаловок» пишут в сочувственном тоне, негативные оценки потенциала сельских мигран-

тов относительно редки и встречают негодование других посетителей. Так, например, на реплику одного из посетителей: «...*надо так тихо-спокойно отвечать: “...ты вообще к жизни не способен, даже на деревне прожить не смог. А приехал в город, чтобы водку пить, грабить и бездельничать”*» форумчане обрушились с критикой, отмечая, что «...*тот, кто строит дом, уже не намерен водку пить, грабить и бездельничать...*» (форум «Сайта бурятского народа», www.buryatia.org; 03–12 дек.2006). То, что в первую очередь переезжают те, кто имеет определенные ресурсы, как экономического, так и неэкономического характера (связи), среди которых немало имеющих высшее образование (чем объясняется высокая социальная активность самовольщиков), отмечается и в исследованиях, выполненных с привлечением качественных методов (Карбаинов 2006, 2007).

Нахаловки г. Улан-Удэ в массе своей — проявление стратегии выживания, самосохранения, их жители позиционируют себя в качестве законопослушных, активных граждан, оказавшихся в безвыходном положении.

Борьба за городские ресурсы: информационный аспект

Хотя поиск более комфортного ареала обитания — процесс закономерный, емкость самого ареала естественным образом лимитирована, система стремится к равновесию. **Гомеостаз** — способность открытой системы сохранять постоянство своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия. Данное понятие применимо не только к отдельному организму, но и к сообществам организмов, и в этом аспекте гомеостазом называется сохранение постоянства видового состава и *числа* особей в биоценозах, характеризующихся определенной емкостью. Емкость среды в данном случае — размер способности природно-антропогенного окружения обеспечивать нормальную жизнедеятельность определенному числу организмов или их сообществ *без заметного нарушения самого окружения*.

Увеличение нагрузок на социальную инфраструктуру, непредсказуемое возрастание цен на землю, соприкосновение на одной территории все больших масс людей, с разными, иногда противоположными культурными установками, — все это вызывает усиление конкуренции и иногда оценивается как нарушение хрупкого гомеостаза городского организма.

Анализируя американские городские сообщества в аспекте тенденций урбанизации 20–30-х гг. XX в., закономерной при прогрессирующей индустриализации, Л. Вирт отмечал, что концентрация бизнеса

и индустрии в огромных городских центрах сопровождалась уходом оттуда жителей, стремящихся к более комфортным местам проживания. В результате если центру города стали угрожать депопуляция и упадок, то на периферии возникли проблемы поддержания городской инфраструктуры из-за выросших нагрузок, не компенсирующихся адекватными налоговыми сборами. По оценкам ученого, уже в нач. XX в. около 1/6 всех американцев проживало на окраинах, в пригородах, создавая сложности местным администрациям в отношении физической, жилищной, индустриальной структуры городов, налогообложения, материальных ценностей и образа жизни (Wirth 1942: 833–835).

Массовый приток в городской ареал мигрантов является естественным процессом не только в плане предпосылок, но и в отношении производимого им эффекта обострения конкуренции, которая трактуется Р. Парком как «элементарная, универсальная и фундаментальная» форма взаимодействия в мире живых существ (цит. по: Николаев 2009: 23). Число особей увеличивается, а способность природно-антропогенного окружения обеспечивать нормальную жизнедеятельность — та же, ресурсы города очень постепенно приводятся в соответствие с растущими потребностями города, что зависит от оперативности и дальновидности управленцев, осуществляющих городскую политику. В распределении на все большее число потребителей экономических и неэкономических ресурсов становится все меньше, что определяет обострение конкурентной борьбы. Впрочем, она ограничена традициями, конвенциями, законом. По определению Р. Парка, человеческое общество, по сравнению с остальным миром живого, организуется на двух уровнях — биотическом и культурном одновременно, и одним из аспектов его нормального существования (наряду с конкуренцией) является коммуникация и консенсус (Park 1936: 175). Сравнивая исследования Р. Парка с более ранними исследованиями общества в экологическом аспекте, Л. Вирт отмечал, что исследования, предшествовавшие появлению социальной экологии, имели серьезный недостаток: абсолютизировали либо биотический, либо культурный уровень функционирования обществ. Между тем все сообщества также являются обществами, а все общества несут в себе некоторые черты сообществ (Wirth 1945: 484). Т. Гоббс, подтверждая справедливость латинского «*Homo homini lupus est*», создал аналогичный по смыслу афоризм, утверждающий, что изначально отношения между индивидами осуществляются по принципу «война всех против всех». Однако растущее разделение труда, определяя взаимозависимость индивидов, снижало ее остроту; организованная по нормам общежития конкуренция, так же, как и консенсус, участвует в создании порядка.

Тема угрожающего давления на городскую инфраструктуру при обсуждениях проблем сельской миграции стала «козырной картой» в игре против мигрантов и в современной Бурятии: «Население города вместе с агломерацией за какие-то десять лет выросло почти в два раза, соответственно, выросла нагрузка на все коммунальные, социальные и прочие службы, которые, как раз-таки вслед за ростом населения не росли, а только уменьшались. Увеличилась нагрузка на транспортную систему, дороги, естественно, разбиваться стали заметно быстрее, выросло количество ДТП, ухудшилась криминогенная ситуация — работы-то, несмотря на то, что город, тут также не очень много...» (сайт Единого городского Интернет-форума: <http://forum.baikal.net>, окт. 2006). В контексте социально-экономических проблем, охвативших пространство постсоветских городов, особенно в так называемых «депрессивных», или дотационных регионах, сельская миграция стала восприниматься как угроза городскому гомеостазу, фактор усиления конкуренции. В заявлениях представителей власти за последние годы не раз прозвучали опасения относительно того, что «сельская миграция ведет к обострению проблем безработицы, преступности и загрязнению природы...» (Шевцова 2004).

Сами жители «нахаловок» и сочувствующие им оценивают феномен самостроения, появление так называемых «новых городских» как один из основных демографических ресурсов развития города на стратегическую перспективу. Это его «человеческая подпитка» в аспекте сложной демографической ситуации и нехватки трудовых ресурсов, когда одни (лучшие) уезжают, другие (худшие) спиваются, а мигранты из Китая не всеми воспринимаются адекватно.

Отталкиваясь от системы координат социальной экологии, сельская миграция, восполняя издержки миграционного оттока из Улан-Удэ в другие регионы России и за ее пределы, не только не нарушает равновесия, но выполняет компенсаторную функцию, другой вопрос — количественное соответствие и качество данного замещения. В данном контексте миграционные потоки могут быть представлены в виде качественной спирали, в которой сельский миграционный поток качественно, т. е. по обеспеченности различными экономическими и неэкономическими ресурсами, по своим социально-демографическим и профессиональным параметрам, уступает следующему, межрегиональному, но превосходит его в количественном плане.

Борьба за городскую идентичность

Как справедливо отмечал Л. Вирт, города, стремясь к самовоспроизводству, с неизбежностью рекрутируют своих жителей-мигрантов из

других городов, глубинки и из других стран. Город, таким образом, исторически являет собой сплав различных рас, народов, культур, а также является местом, наиболее благоприятствующим для выведения новых биологических и культурных гибридов. Он не просто толерантен, но поощряет индивидуальные отличия. Это удерживает людей вместе, ведь поскольку они различны, то и полезны друг другу больше, чем если бы были одинаковыми. Однако чем больше индивидов, участвующих в процессах социальной интеракции (и соответственно — дифференциации между ними), тем выше потенциал конфликтности. Отличия могут способствовать увеличению пространственной сегрегации индивидов в соответствии с такими признаками, как цвет кожи, этническое происхождение, экономический и социальный статус. В связи с вышесказанным понятен тот значительный акцент, который проставлен в исследованиях американских городов на девиациях и делинквентности. Указанные выше отличия становятся значимыми не сами по себе, а в ситуации конкурентной борьбы за ресурсы, которые пропорционально росту города и притоку мигрантов становятся все более дефицитными.

Рост города включает в себе не просто прибавление численности, но и все те сопутствующие изменения и движения, которые неизбежно сопряжены с попытками каждого индивида найти свое место в хитросплетениях городской жизни. Значение мультикультурности города и той роли, которая играет в интеракциях горожан разных поколений культура, рассматривались в работах многих представителей чикагской школы. Исследование городских локалов, согласно Э. Берджессу, должно включать определение не только пространственного образа района, его топографии, физической организации ландшафта и созданных структур, но и изучение «культурной жизни»: образа жизни, обычаев, стереотипов. У. Ф. Огборн, определяя социальную жизнь как взаимодействие биологического организма, географического окружения и групповых процессов, вводит еще один фактор — культурное наследие — переменную, обуславливающую степень духовной комфортности общества, важный параметр гомеостаза.

Урбанизация определяется Л. Виртом не только как процесс, в ходе которого люди притягиваются к городу, инкорпорируясь в его структуры, но который также рождает специфический образ жизни, формирующийся вместе с ростом города. В то же время, т. к. город — продукт скорее постепенного роста, чем одновременной акции (мгновенного акта творения), следует предположить и то, что влияние, оказываемое прежде доминировавшими образцами (установками) человеческих взаимодействий на образ жизни, не могло быть уничтожено совсем (Wirth 1938: 3, 5). Действие образцов активности, сформированных в прежнем

социальном контексте, автоматически не исчерпывается при попадании в другой социальный мир, — этим процессам свойственна инерция. Таким образом, в большей или меньшей степени жизнь нового горожанина несет на себе отпечаток сельского общества, характерные для деревни черты активности.

Борьба за «право на город» (метафора Анри Лефевра) в данном аспекте предопределяет борьбу за городскую идентичность, войну на информационном поле за символическую власть, в процессе чего актуализируются то восприятие и мышление, которые будут способствовать развитию событий в нужном русле. Более того, столкновение «коренных» горожан и жителей «нахаловок» основывается не только, а может, и не столько на «естественном отборе» в ходе борьбе за городские ресурсы, сколько на конфликте ценностей, культурных, ментальных установок (как естественно развивающемся, так и искусственно конструируемом). В ходе этой борьбы представители городских властей и определенная часть «коренных» горожан через различные информационные каналы распространяют такие негативные образы сельских мигрантов, которые бы форсировали их исключение из городского пространства. На местных форумах можно обнаружить оценки культурного уровня «новых городских», его неадекватности нормам городской культуры. Одному посетителю сайта с репликой *«Это же убожество!!! Какие-то пятистенки, скворечники»* вторит другой: *«Я же говорю — УУ это деревня и мышление такое же»*. Ряд подобных высказываний может быть продолжен: *«Халупам в городе не место»*. *«И правильно мэрия ломает дома!...Будет одна деревня, и будут ходить в сортир в центре города...»* (сайт Единого городского Интернет -форума: <http://forum.baikal.net> — окт. 2006, форум «Сайта бурятского народа», www.buryatia.org; 03—12 дек.2006).

Несогласные со стигматизацией «негородского» (нецивилизованного) поведения есть: *«...кто ходит в “уличный сортир” прямо в центре городе? ходят туда жители Улан-Удэ, причем некоторые не в первом и даже не во втором поколении. Почему им можно, а этим нельзя? что за сегрегация? почему такое отношение к своим согражданам? ...»* (сайт Единого городского Интернет -форума: <http://forum.baikal.net> — окт. 2006). Однако при этом следует отметить, что, в отличие от апологетики самоотроя в контексте проблем городской инфраструктуры, защитников совсем немного, и когда речь идет о культурной неадекватности городу, складывается антисельский («антибескультурный», «антиварварский») консенсус.

Сами жители «нахаловок» по результатам дискурс-анализа, проведенного Н.И. Карбаиновым, в свою очередь, пытаются эти образы раз-

личными способами деконструировать, а взамен создать другие образы, которые способствуют их закреплению в городе (Карбаинов 2006: 143, 148). При этом либо происходит отказ от сельской идентичности на основе ссылок на высшее образование и принадлежность к интеллигенции, либо разрушение городской идентичности самих улан-удэнцев: «А сами вы откуда?» На одном из местных форумов по этому поводу, например, сказано: «...стоит вспомнить, что подавляющее большинство (думаю ближе к 100 %) бурят, живущих в УУ — сами мигранты в первом-втором поколении. В сроках и условиях натурализации в городе заключается их единственное отличие...» (сайт Единого городского Интернет-форума: <http://forum.baikal.net> — окт. 2006).

Безусловно, дело не только в культурных установках, манерах, но в том образе жизнедеятельности, тех ключевых практиках, которые в корне «негородские». Согласно трактовке М. Вебера, горожане «в своем большинстве живут не земледельческим трудом, а торговлей и промышленностью» (Вебер 2001: 335). Однако реалии современного Улан-Удэ включают не только земледельческие практики, но и содержание домашнего скота, усиливая комплекс «городской неполноценности» у некоторых горожан. Нельзя в то же время сказать, что это примета последних лет: это явление можно было наблюдать и раньше, но вместе с интенсификацией миграции из районов выпас животных в пределах города стал уже обыденным явлением. В дискурсе местной прессы эта ситуация рассматривается как серьезная угроза для городского образа жизни, городской идентичности.

В данном случае следует выделить два наиболее распространенных подхода в объяснении воссоздания привычного «крестьянского мира». Согласно первому, эти явления отражают «верность сельскому укладу жизни». Жизненные стратегии, ставшие привычными, сохраняют статус активных и вне того социального контекста, где когда-то были сформированы. Сельский образ жизни инерционно сохраняется «в невербальных, подсознательных диспозициях», изгибах тела, оборотах языка (Бурдые 1994).

Второй подход трактует ситуацию не как инерционный процесс, а как осмысленную стратегию выживания (Шманкевич 2005: 297). Ведение натурального хозяйства снижает финансовые издержки, связанные с покупкой продовольствия, которое сегодня является весьма дорогим, особенно натуральная, экологически чистая продукция. Тем самым сохраняется и без того ущербный бюджет самовольщиков. В экологическом аспекте данное объяснение, на наш взгляд, более адекватно отражает действие главного эволюционного фактора — стремление к адаптации.

Конфликт и консенсус как взаимосвязанные и взаимодополняющие стороны единого эволюционного процесса в равной мере присутствуют в процессах адаптации сельских мигрантов к городу. В то же время мы далеки от того, чтобы сводить феномен «нахаловок» к сугубо природным процессам, оценивать его исключительно в терминах эволюции. Миграция в своих предпосылках, проявлениях как следствие стремления к выживанию и адаптации к сложившейся социально-экономической в постсоветском пространстве ситуации, безусловно, естественное явление, но в своих последствиях детерминирована целым рядом объективных и субъективных факторов, определяющих соответствующую политику.

Политика в отношении «нахаловок», или земляческие узы против генплана

Как отмечали Р. Парк, Э. Берджесс и Р. Маккензи в коллективной работе «Город: предложения по изучению человеческого поведения в городской сфере» (1925), одним из побочных результатов роста сообщества являются социальный отбор и сегрегация населения. А. Чешкова определяет сегрегацию как результат социальных препятствий в выборе места жительства (Чешкова 2000: 22). Это тот род препятствий, которые возникают вследствие волюнтаристского структурирования городского пространства без учета естественных, эволюционных процессов, тенденций урбанизации. Препятствия, способствующие сегрегации, создаются не только на информационном, политико-правовом уровнях, но и через сложные экономические, жилищно-материальные условия (обеспеченность электричеством, водой, дорожно-транспортной инфраструктурой). Посетители форумов деконструируют принципиальность властей, акцентируя внимание на практике двойных стандартов и экономическом интересе как основном мотиве действий.

В то же время происходит деконструкция образа «палачей», приписываемого субъектам городской власти, — через ссылки на более жесткие практики борьбы со скваттерами, применяемые в других странах, например, в Бразилии. Следует отметить, что, действительно, в отличие от бразильских фавел большинство «нахаловок», несмотря на многократные громкие, категоричные заявления городских властей, продолжают существовать. Мы согласны с Н.И. Карбаиновым в том, что данная непоследовательность может объясняться во многом крепкими узами землячества. «...одна из причин сохранения “нахаловок” — это использование родственно-земляческих связей во властных структурах» (Карбаинов 2006: 151–152).

С одной стороны, обосновывая плановый подход, генплан как инструмент упорядочения города, представители городской администрации борются с «нарушителями закона», с другой — пытаются помочь своим родственникам и землякам, которые проживают в «нахаловках». В экологическом контексте родственные, земляческие отношения являются в Бурятии тем механизмом, который позволяет мигрантам сравнительно безболезненно войти в городские структуры, сглаживает остроту борьбы за город, включая жителей самостроя в число полноценных горожан.

«Нахаловки» г. Улан-Удэ как механизм выживания и провоцируемая самостроем конкурентная борьба за ресурсы ареала — все это вполне оправдывает подходы социальной экологии к пониманию процессов урбанизации, обозначенные представителями чикагской школы. В то же время социальные действия, основанные на целерациональных ценностях, в значительной степени сглаживают их естественные характеристики. В этом сложность тотально экологических интерпретаций, и здесь невозможно не согласиться со словами Б. Верлена: «Проблема в том, чтобы учесть и социальное, и пространственное, не впадая в пространственный фетишизм и не исключая пространственного измерения из социальной теории» (Верлен 2001: 28).

С одной стороны, управленческая, и шире — общественная реакция на многогранные последствия самостроя, деятельность (или бездеятельность) властей — та самая разметка, где кончается экология и начинается политика. С другой — и саму управленческую активность можно интерпретировать экологически. Политика в отношении самостроя в категориях социальной экологии может расцениваться как: 1) естественный буфер, селективное сито, с помощью которого городское пространство отвоевывают сильнейшие; 2) механизм, отражающий емкость среды и таким образом поддерживающий состояние равновесия; 3) инструмент конкуренции — явления, закономерного для борьбы за ресурсы.

Литература

- Баньковская С.П.* Роберт Парк // Современная американская социология. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 3–20.
- Бурдые П.* Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
- Вебер М.* Город // Вебер М. История хозяйства. Город / Под ред. И. Гревса, коммент. Н. Саркитова, Г. Кучкова. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2001.
- Верлен Б.* Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / Пер. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 2. С. 25–45.

Карбаинов Н. «Нахаловки» Улан-Удэ: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Давыдов В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, Хабаровский краеведческий музей, 2006. С. 129–154.

Карбаинов Н. «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 136–139.

Николаев В.Г. Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологической традиции: трансформации человеческой экологии // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 18–55.

Парк Р.Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / Пер. с англ. В. Николаева // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 11–19.

Чешкова А. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2000.

Шевцова Е. Горожан проверят на зрелость // Номер один. 2004. № 18 (5 мая), Улан-Удэ.

Шманкевич Т. «Сжимающийся» город — новая сегрегация // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.; Иркутск: Наталис, 2005. С. 295–307.

Park R.E. Succession, an Ecological Concept // American Sociological Review. 1936. Vol. 1. No 2 (Apr.). Pp. 171–179 [<http://www.jstor.org/stable/2084475>].

Wirth L. Human Ecology // The American Journal of Sociology. 1945. Vol. 50. No 6. Pp. 483–488 [<http://www.jstor.org/stable/2771392>].

Wirth L. Urban communities // The American Journal of Sociology. 1942. Vol. 47. No 6. Pp. 829–840 [<http://www.links.jstor.org> (The University of Chicago Press)].

Wirth L. Urbanism as a way of life // The American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. No 1.— Pp. 1–24 [<http://www.jstor.org/stable/2768119>].